

НИКОЛАЙ ПОЧТОВАЛОВ

ПОЧТИ ЗИМА,
ПОЧТИ ВЕСНА,
ПОЧТИ ЧТО ЛЕТО...

СТИХИ И ПЕСНИ

**Петрозаводск
2010**

ББК-84 Р7

П 18

Почтовалов Н.

П 18 Почти зима, почти весна, почти что лето... Стихи и песни. — Петрозаводск, 2010. — 112 с.

Сборник содержит стихи и песни разных лет петрозаводского поэта Николая Почтовалова.

© Николай Почтовалов, 2010

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ НА СЕВЕР¹

Птицы — на юг, на юг
через Полярный круг...
Северный ветер застанет врасплох:
он им и царь, он и Бог...
Стоит закрыть глаза, —
снова гудит вокзал...
И невозможно, —
хоть криком кричи, —
север к себе приручить...

А в окно смотрю, — и не верится:
то ли лето, а то ли зима,
то ль стоит Земля, то ли вертится,
то ли просто сошла с ума...

Птицы — на юг, на юг
через Полярный круг...
Даже в разорванности бытия
сможем прожить — ты и я...
Рвется пространства нить:
хочется волком выть...
Будь на Земле ни единой души, —
север души не лишить...

¹ Песня написана совместно с бардом из Москвы Валерием Киселевым.

А в окно смотрю, — и не верится:
то ли лето, а то ли зима,
то ль стоит Земля, то ли вертится,
то ли сам я сошел с ума...

Птицы — на юг, на юг
через Полярный круг...
белые снега метут и метут:
север всегда на посту...
Старый приснится друг:
вот, и замкнется круг...
дружба не знает весомых причин
в северной таять ночи...

А в окно смотрю, — и не верится:
то ли лето, а то ли зима,
то ль стоит Земля, то ли вертится,
то ли все мы сошли с ума...

БЕССОННИЦА № 13

Не горит огонь в печи
и постель не греет,
да и сердце-то стучит —
будто бы за дверью.

За денечками деньки
пролетают мимо...
ох, денечки-мотыльки:
лета, весны, зимы...

Только глупая луна
не дает покоя:
неуемна и шальна, —
не достать рукою...

Так и маюсь до зари —
сам сова совою:
что-то в душеньке горит, —
не бывать покою...

ВАГОННЫЙ ВЫВОД

В стакане ложка дребезжит,
луна качается в окне,
в вагоне пол всегда дрожит,
как все дрожит в моей стране...

А я на полочке второй
лежу, подрагивая в такт,
и жизнь мне кажется игрой,
в которой все совсем не так...

Но ложка все же дребезжит
в стакане, видно, — неспроста:
все ж хорошо на свете жить
и даже — с чистого листа!

ВЕСЕННИЕ СОМНЕНИЯ

Тает снег — пустые слезы:
у весны с зимой прощанье...
Нет прощенья обещаньям —
не поэзия, а проза...
Ни к чему нам сожаленья
в невозможности морозов.
Снег растаял... тают слезы —
соучастницы сомнений.

ТИШЕ...

Тише, тише, — говорите тише:
кому надо, тот услышит,
только бы да Богу в уши, —
не хочешь, — не слушай.

Было, было, —
только с ветром стылым
улетело, — сердце ныло
от неведомой тревоги —
короткой дороги.

Было лето, только осень где-то
ждет, пождет, но нет ответа...
и строка неумолимо
пролетает мимо.

Тише, тише, — говорите тише:
это наши души дышат...
Жить бы нам не одиноко
до самого срока.

SMS В МУРМАНСК

Такое северное море,
что юг отчаянно далек,
и день в немыслимом миноре, —
мажор на севере не впрок.

Но пропотевшая гитара
поет о лете... Мне бы так!
И пели бы тогда на пару,
но я один: пою не в такт...

А где-то небо тонет в море
и солнце прячется в песок...
А мы с тобой опять в миноре —
как будто отбываем срок...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ

А на том на бережочке
ходят-бродят песен строчки:
и грустят, и веселятся,
и поэтов не боятся.

А на этом бережочке
все болота да все кочки:
нету для души простора —
каждый первый, — нету вторых.

А промежду бережочков
наши общие годочки,
и не надо, братцы, спорить:
чья же радость, чье же горе.

Речка бурная уносит
лета, зимы, весны, осень...
Я загадывать не стану:
то ли поздно, то ли рано.

Так пускай на бережочке
ходят-бродят песен строчки:
и грустят, и веселятся,
и поэтов не боятся...

А ЧТО ЭТО БЫЛО?..

Хлопну стопку на прощанье:
нет ни горя, ни беды, —
просто велено с вещами
да не в первые ряды;
просто не было ответа
на расстрельный на вопрос,
просто вывели до света,
потому что перерос
жизнь, а смерть уж у порога:
отдышись, — куда спешить, —
ведь от Бога и до Бога
ни единой ни души....

В поле воеет ветер стылый...
Захмелел я без вина...
Что же, милый, это было?...
Это, милая, — цена...

АЛИБИ

Следы на свежеснежавшем снегу,
как и всегда, бездумно откровенны.
И я, наверное, опять смогу
свою судьбу ломать через колено.

Прошу себе все старые грехи,
начну опять и вновь грешить сначала,
и запоют в душе моей стихи,
как будто до сих пор она молчала.

И на ветру, — отчаянно легки, —
с берез вспорхнут последние листочки,
приветствуя рождение строки
и жизни, и стиха...

Не надо точки.

БОМЖ-ПЕСНЯ

Мне, бездомному, не сладко
жить на этом белом свете:
сам себе кажусь загадкой,
будто черт меня пометил;
ветер все в лицо да в душу,
дождь за шиворот без меры...
ночью, будто кто-то душит, —
видно, — я уже не первый...

Мне бы чистыми руками
по щеке тебя погладить,
мне б со свежими носками
жизнь семейную наладить...
мне бы спать в своей кровати
в теплой комнате у стенки,
и всегда, — пускай нехстати, —
твои чувствовать коленки...

Мне бы многого хотелось
в этой жизни безутешной:
чтоб душе пилось и пелось, —
без усилий и неспешно,
чтобы звездочка в окошко,
чтобы дети и внучата,
чтоб удачи хоть немножко
да бутылочки початой...

Я бы жил на всю катушку,
а сегодня — в жизни тесно...
на глоток осталось в кружке...
Вот... и кончилась... песня...

ОСЕННЯЯ ЖАЛОСТЛИВАЯ

Заметелило листвою желтой...
нахлебался я тоски вдосталь...
не забуду, — не смогу просто
лет запутанных своих до ста...

Улетели зимовать птицы...
потускнели у друзей лица...
и жена на все вокруг злится:
хорошо не за окном, — в Ницце...

А у нас уже — ледком лужи...
затяни свой поясок туже...
никому ты... а себе — нужен
среди этой на Земле стужи.

Заметелило листвою желтой...
нахлебался я тоски вдосталь...
не забуду, — не смогу просто:
лет запутанных своих до ста...

КОЛЛИЗИЯ

Дурачок, ты, Коленька:
был и... будешь — голеньким...
Ты не понял, родненький:
лучше быть угодником,
промолчать, а тряпочку
спрятать, чтобы лапочкой
в круге быть проверенном...
Ну, а коль — не верил я,
вот, и вышел... — Коленька,
будто в бане, — голенький.

В КУЛАКЕ СОЖМУ КОПЕЙКУ...

В кулаке сожму копейку:
счастья не было и нет...
Ты мне стопочку налей-ка,
чтобы белым был бы свет,
чтоб в закатах и в рассветах
не висела тишина,
чтобы жить себе поэтом
и копать себя до дна,
чтобы рвать себя на части,
но... не вырвать сердце вдруг,
чтобы все же было счастье,
чтобы был и враг, и друг,
чтобы ждать и дожидаться,
чтобы верить и прощать,
чтобы жить открыто, братцы,
только глупость не пущать...

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ПЕЧАЛЬ

Благослови меня, печаль...
Я ждал усталости в ответе
на свой вопрос и не заметил,
что мне молчания не жаль...

И я молчу, и ты молчишь,
секунд фальшивых кастаньеты
отмеривают жизнь, — при этом, —
распугивая время лишь...

А я, рискуя, напролом
бегу в запутанном пространстве
за ветром неумных странствий...
Я закален добром, и злом...

И мне ли недоумевать?...
И мне ли врать без сожаленья?...
И мне ли жить на пару с тенью?...
И мне ли всех на помощь звать?...

Благослови меня, печаль...

ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА

А что это было?.. Как будто бы ветер
промчался грозой по краю зари...
но я будто так никого и не встретил,
и только орел в поднебесье парил...

А было ли это?.. Начну все сначала...
и где-то восстану, а где-то замру,
а где-то, грустя, оттолкнусь от причала,
забыв неизбежно спасательный круг...

Не быть бы такому, но... кажется, было:
простуженный ветер разлуку качал...
но к берегу щепкой надежду прибило,
как неосторожность начала начал...

А что это было?.. Как будто бы ветер
листвою засыпал почти полземли...
и я на Земле так тебя и не встретил...
Наверное, ветер меня... разозлил...

РОЗОВЫЙ ТУМАН

Мы улетим с тобой, как птицы, —
к теплу, за синие моря:
с туманом розовым проститься,
сорвав листок календаря...
И смоят волны океана
шагов запутанных следы,
и облака в тумане канут
на фоне розовой воды...
и — всем назло: под шум прибоя
скользнем по кончику зари,
и будет чудиться порою,
что мы над волнами парим...

Мы на краю земли оставим
все, что сбылось и не сбылось, —
на темных пятнышках проталин, —
и душу — мокрую насквозь...

ДРУЗЬЯМ

Птица белая за моим окном,
птица черная залетела в дом...
будто тень судьбы замаячила,
будто путь земной обозначила.

Что-то холодно в груди, что-то холодно,
будто выпита уже эта жизнь до дна,
будто было и вспорхнуло белой птицею,
чтобы где-то на земле схорониться ей.

Не прощай меня, если что не так:
кабы знать, кто друг, кабы знать, кто враг...
не ворчи в душе, — лучше выскажись:
не гадай на смерть, — загадай на жизнь.

Не успел я, не успел, — струны порваны...
белых птиц давно уж нет, — только вороны...
в дымке памяти не встречи, а прощания, —
улетают паутинкой обещания...

ЗИМНИЙ ЭТЮД В ПРЕДНОВОГОДНИХ ПОЛУТОНАХ

Холодный ветер обжигает губы
и ночь грешна — уже пошла на убыль,
и год прошел, хотя такая малость...
а все зиме, увы, увы, досталось...
И тает снег в ладошке у любимой,
и зимы проплывают мимо, мимо...

ЗА НОЧЬЮ НОЧЬ...

За ночью ночь, а дни уже не в счет...
в окне луна холодная, как вера, —
она всегда ко мне заходит первой...
Кому же быть желаннее еще?
И в пустоте пространства есть резон:
в ней голоса слышны неотвратимо
и даже прошлое бывает зримым...
и явью — мой полузабытый сон...

ТАКАЯ СТРАННАЯ РАБОТА

Не затаить в глазах разлуку,
как и не спрятать эту боль...
а за разлукой — только мука
от расстояния с тобой...
и не успеть простить до света,
и не уснуть до петухов...
и не найти в ночи ответа,
как — не написанных стихов...
и не дойти до поворота,
и не понять, и не забыть...
Такая странная работа:
жить...

* * *

Не беда моя, что жил,
а беда, что одолжил
у родителей вину
за любимую страну.

ЗИМА (– 36,6)

Зима... уныло и... темно...
в пространстве — замкнутом и стылом, —
как облачка, — колечки дыма
плывут в замерзшее окно...
Как будто вечность замерла
в столетних половицах пола...
Я к этой вечности приколот:
жизнь, как и комната, — мала...

Зима... и в липкой тишине
ворчать не прекращает теща...
с ворчаньем жить, наверно, проще
моей простуженной стране...
и голоса едва слышны,
как на заброшенном погосте:
дожди перемывают кости...
они безропотно грешны...

Зима... простуженный и злой,
хрипатый голос только жальче...
а в зеркале уже не мальчик...
увы, и тут не повезло...
и в комнате опять темно...
в пространстве — замкнутом и стылом, —
моя душа колечком дыма
плывет в замерзшее окно.

ЛАДОЖСКИЙ СИНДРОМ

Весенний снег полоской грязно-серой
впитал в себя всю оторопь зимы
и морщат волны ладожские шхеры
под солнцем летним, выданным взаймы...

И рвет на части парус ветер шальный,
и чайка режет небо пополам,
но катер, неприкаянно усталый,
идет неумолимо прямо к нам.

На пристани, где встречи одиноки,
где нет резона злиться и страдать, —
мы просто ждем в назначенные сроки
тех, кто умеет в этой жизни ждать...

* * *

Иллюзий нет:
конечно же, в природе
начало ниточкой
в ушко иглы продето...
Начни опять сначала,
будто вроде, —
опять в твой дом
вдруг залетело лето!!!

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Кто-то где-то что-то понял...
Ветер выдует листву...
Осень — виртуальный пони —
наискучнейшая из скук.
И рыжеет где-то лето,
только нет ему причин
среди песен недопетых
мне подыскивать зачин.
Осенью всегда неспешно
бьется сердце не в тисках;
я почти что в чем-то грешный,
только мой не грешен страх.
Я боюсь, но... не немею
от любви. Прожить бы так,
чтобы не болела шея
и не медным был пятак.

КЛИКНЕТ НОЧЬ...

Кликнет ночь и я встаю,
и, глаза продравши, вижу:
месяц в форточке бесстыжий
примостился на краю,
и подмигивает — мол,
шевели, дружок, мозгами:
строчки не приходят сами...
и бесстыдно — шась на стол,
и к настольной лампе... Вру...
нет и не было Светила,
просто что-то накатило, —
видно, братцы, не к добру...

ЗАГУЛЯЛИ...

Загуляла, загуляла
по России голытьба:
без конца и без начала,
от земли и до неба.
Из луженых глоток в небо
разлетаются слова...
был я там, а, может, не был,
падал, но всегда вставал.

Ты прости меня, маманя:
кабы знать, а не гадать,
где судьба судьбу обманет,
где не ползать, а летать,
где б слезами не давиться
у могильного креста,
где бы — просветлены лица,
где душа бы не пуста...

Загуляла, загуляла
по России голытьба:
нет конца и нет начала,
и безудержна судьба...

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ БАРДА

Положите меня в незабудки,
чтобы в них не забыть до рассвета,
что еще не закончилось лето
и до осени целые сутки,
чтобы выпить всю жизнь без остатка,
чтоб на донышке солнце блестело,
чтоб душа не ворчала, а пела,
чтобы жить, а не строить догадки.

Я НЕ ЖИХАРЬ

Я не жихарь, я жилец,
переживший все невзгоды,
сохранивший, наконец,
все, что было от природы...

Жил и верил всем подряд,
спотыкался без причины,
даже малому был рад,
лишь бы только быть мужчиной...

АВТОПОРТРЕТ

Ущипни меня слегка,
чтоб удачу не прошляпить...
Так и тянется рука —
жизнь нечаянно облапить.

Черным по белу скачу
и смеюсь, и рвусь, и плачу...
Мне бы — старому хрычу —
жить немножечко иначе...

Мне бы — пить английский чай
в тихом садике тенистом
и вдвоем с собой молчать,
представляясь артистом...

Мне б — дышать не глубоко,
оставляя чуть — на коду,
и дешевым табаком
не загаживать природу...

Мне бы — жить с тобой в ладу,
не ворчать в ответ потомку
и... всегда иметь в виду:
можно петь, но, чур, — не громко...

Доля, может быть, — горька...
хоть ее бы не прошляпить...
Так и тянется рука —
жизнь нечаянно облапить...

«МОЛИТВА»

Жизнь убогая...
даже в Боге я
отражения не поймал...
а морщин в душе,
хоть ее зашей...
хоть гони взашей...
ох, устал...

Жизнь пиковая...
весь в оковах я...
все знакомо мне с детских лет...
я молчать устал
и читать с листа,
и любить Христа — веры нет...

Жизнь постылая...
Поостыну я...
с жару, с пылу я — не хочу:
уж, какая есть, —
вся про мою честь,
за любую весть... заплачу.

МОЙ ГОРОД

Город, в котором все рвется на части,
ждет сотни лет откровенного счастья,
ждет и не верит... а как же тут верить,
если веками сплошные потери,
если все путано, но неизбежно,
если не тут, вот, а все-таки между,
если в глазах неизбежность печали,
если еще и не все откричали,
если ворчанью не видно предела,
если не дело, а только полдела...

Если в безумстве рождается счастье,
значит, — всегда надо рваться на части...

МАЛЬЧИШКАМ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

В купе плацкартного вагона,
как сельди в бочке, — морячки,
и все как будто бы знакомы:
не сыновья, а все ж — сынки.
Почти забытые улыбки,
почти забытые слова,
уже есть право на ошибки
и жизнь — прекрасна и нова...

Слова не выдохну пустые,
в глазах надеждой утону
и отношения простые —
чтоб ощутить свою вину...
и волны Баренцева моря
перекрывают стук колес,
но морячок прибудет вскоре
туда, откуда черт унес...

Забуду выдох полупьяный:
там, братцы, лучше не служить...
но буду помнить капитана,
который приказал им жить!
И буду помнить страх в подлодке,
пропахшей потом всех морей...
Давай, моряк, — по чарке водки
Нальем — за наших матерей!

Мальчишечка, мальчишка,
не рви мне душу в клочья, —
и так хватил я лишку
с тобой бессонной ночью.

МОНЧА¹

Там, где могут только черти
поселиться на века,
между смертью и бессмертием
распласталась река...

И течет по нашим венам —
неуемна и светла...
Говорят, наверно, верно,
что минутки не спала.

И в глазах ее раскосых
отражались облака,
гор заснеженных откосы,
подгоревшие слегка...

И, в тумане исчезая,
волны скачут по камням...
но о чем она все знает, —
Монча не расскажет нам...

¹ Река под городом Мончегорском (Мурманская область).

НЕТ, НЕ УСПЕЛ...

А мы не спали до утра...
Мотало лодку у причала...
и новый день искал начало
в золе уснувшего костра...

Плясали тени за спиной,
где только — эхо, тьма и ветер...
как будто — никого на свете
за этой липкой тишиной...

Мерцали звезды в темноте,
как на компьютерном экране,
и отлетало в ночь сознание,
не отражаясь в пустоте...

Рассвет на ниточке висел...
меня раскачивало между
разлукой, встречей и надеждой...
Нет, — не успел... нет, — не успел...

МГНОВЕНЬЕ — ВЕЧНОСТЬ

Я почти что и не пожил,
потому что жизнь — мгновение:
так, — скользнул по жизни тенью,
как-то думалось, что — позже...
Получилось... все — прекрасно, —
вру себе я — так, для вида,
будто жжет меня обида
оттого, что все не ясно...
Все — не то и все — не это, —
лопочу я сам с собою, —
было нас, как будто, — двое,
но... один: поэт поэтом...
У меня мгновение — вечность
и ползу я, как улитка:
жизнь — длинна,
как — смерть под пыткой:
бесконечность...

МОЯ ЛИНИЯ

На ладони линия
да не очень длинная:
не река, а ручеек, —
путь ни близок, ни далек,
затерялся в поле след, —
вроде был, а ныне нет, —
замело поземкою
мою тропку ломкую...
Ты не жди меня, не жди, —
смоют вешние дожди
все следы-следочечки
этой темной ночечкой.

Эх, ты, моя линия,
что ж не очень длинная?..
Ручеечек не река:
коротенечка строка...

МИНИСТРАМ

Голосисто, звонко, чисто,
четко в заданном регистре,
хорошо поют министры, —
им не привыкать...

Но в заоблачных высотах
растворяются красоты...
по земле бежит босота, —
правды не сыскать...

ОПЯТЬ СНАЧАЛА

Чудна холодная постель:
бела, пустынна, одинока,
нет, ну, — ни пятнышка порока,
пока не втиснется устало
моя душа под одеяло
и засопит, увы, на пару —
с моей простуженной гитарой,
а мне опять лежать и слушать,
как звуки заползают в уши,
и средь измученных мелодий
вдруг песня... ускользает, вроде,
опять звучит, но — как-то странно,
я понимаю: рано, рано:
не торопи... и так случится —
недаром по ночам не спится,
когда за окнами метель.

НЕРВНОЕ

Потускнели глазыньки:
ох, — таки заразыньки...
подустали ноженьки:
ох, таки негоженьки...

А чего ж им надоти? —
Чтоб идти, — не падати,
чтобы жить да мучиться —
чтобы... не соскучиться.

НЕТ ВЕСНЫ...

Весна еще безумно далека:
хрипит февраль в оглоблях звонкой ночи,
на облучке три месяца хохочут,
весну хватая рьяно за бока...

Еще блестит осколочек луны,
но не поймать за хвост остаток ночи,
хотя друг другу мы всегда верны
среди безумно страстных многоточий...

Нечаянно почувствую весну,
когда еще февраль в снегу маячит
и в зимнем небе мячик лунный скачет,
и я опять сегодня не усну...

И нет весны, увы, еще пока,
хотя зима свой век уже итожит...
Весна еще безумно далека,
пульсируя под белоснежной кожей...

МОЙ СЕНТЯБРЬ

В сентябре все так знакомо,
в сентябре я, будто — дома,
где все запахи и звуки
так волнуют нас...
где — конец и где — начало,
где всегда есть путь к причалу,
где и встречи, и разлуки
свой имеют час.

НЕЧАЯННЫЕ МЫСЛИ

Когда в ночи бесстыдно лживой
прощу за все и упаду,
останусь в памяти служивым,
как записали на роду.
Кому-то жить и рвать подметки,
а мне служить и умирать.
Мы с ним почти что одногодки:
мне дорожить, ему играть...
Паду нечаянным героем
в моей доверчивой стране
промежду холодом и зноем,
где «да» и есть, похоже, — «нет».

ВСЕ ОСТАЛОСЬ ТАМ...

Нет разлуки и печали,
все осталось там, в начале —
на перроне у вокзала,
где конец и есть начало,
где прощания и встречи
где мгновенья не сберечь уж,
где в дыханье перебои,
где не все, а мы с тобою...

НИКОГО НЕ СЛУШАЙ

Были мы когда-то молодыми,
не сулило времечко беды мне
и сердечко билось без натуги,
и в душе не угасали угли...

Но все время учили:
Не ходи далеко,
не летай высоко...
не руби ты плеча, —
чтобы снова начать...

Не беды бы мне да не горя бы,
только не сбежать, видно, от судьбы...
допекло... и некому жалиться...
не успел пожить, — уж состарился...

Но продолжали учить:
Не ходи далеко,
не летай высоко...
не руби ты плеча, —
чтобы снова начать...

Раскричались да расплакались мы,
зарекались от тюрьмы да сумы,
но кому ж еще, ежели не нам,
да раскапывать эту жизнь до дна?

Все равно учили:
Не ходи далеко,
не летай высоко...
не руби ты плеча, —
чтобы снова начать...

Были же когда-то молодыми,
не сулило времечко беды мне
и сердечко билось без натуги,
и в душе не угасали угли...
Никого не слушай:
Ты ходи далеко,
ты летай высоко...
и руби ты плеча, —
сможешь снова начать...

СОЛОВЕЦКАЯ ПРОЩАЛЬНАЯ

Хорошо на этом свете
жить и радовать судьбу,
вечерами песни петь ей,
проплывая по небу;
щелкать пальцами игриво,
приговаривая в такт:
можно, можно жить красиво,
превращая в рубль пятак...

Медь звенит всегда устало, —
серебро всегда поет...
Жизни, брат, не будет мало.
Где там нечет, а где чет?

А на берег волны катят
друг за дружкой, не спеша,
и стоит у пирса катер...
Все — устала петь душа...

НЕТ ЗИМЫ...

Нет зимы еще пока:
осень слякотью итожит...
мы с тобою будем тоже
сумасшедшими слегка...
Возвращаться?.. А куда?..
В лето?.. Осень все же ближе:
даже ветер душу лижет,
с неба падает звезда...
ночь блестит в моем окне
отражая блики счастья...
Мне бы быть хотя бы частью
счастья, пришлого извне...

* * *

А жизнь прошла... как спичка полыхнула...
но, догорая, все же на ветру
душа нечаянно с дымком вспорхнула,
добавив небу черную дыру...

БЫЛА ЛИ МОЯ МУЗЫКА?..

Была ли моя музыка?..
Не ждали и не верили...
А я — дежурным узником —
смирился и с потерями...

И плакал, слез не ведая,
тонул в пучине памяти,
и сердце не безвредное
не запускало маятник...

И звуки запоздалые
покалывали вечностью...
а то — любовью шалою
в обмотках скоротечности...

Была ли моя музыка?..
Не знаю... жду распутницу...
Живу дежурным узником
и думаю, что сбудется...

ХОЧУ ОГНЯ!

Костры весенние отчаянно дымят...
с огнем весной всегда из рук вон плохо...
а нам с тобой — тереть глаза да охать:
ну, отчего же листья вспыхнуть не хотят?

Они хотят, но... у желанья есть предел,
как и в стихах: как ты себя не мучай, —
когда расплавишь лед под листьев кучей, —
погаснет пламя... Ты ж не этого хотел?

Но летят деньки-денечки неразборчиво
и судьба моя — подружка не сговорчива...
Мне на краешке Земли — не пристроиться
и жене моей вовек — не успокоиться...

Ну, хоть бы — горсточку земли,
где не валяются в пыли
честь и верность, как на паперти копеечка, —
я бы в душу к вам не лез, —
был бы видимый прогресс
и наладилось бы в жизни — помаленечку.

ОДИНОЧЕСТВО

Возвращается стабильно одиночество:
остается вспоминать только отчество...
Ни отца на белом свете и ни матери,
только... стопочки стоят, да, на скатерти...

ПОЧТИ ПРАВДА

Мутило... и продавленный диван
впивался зло пружиной в ягодицу...
хотелось, братцы, даже удушиться,
но за окном вдруг затянул баян.

Он не играл, он — плакал... Под вальсок
дворовой пес кивал хвостом кому-то...
был час — как будто бы промежду суток, —
затягивай потуже поясок...

Мечтал Иваныч, сплевывая зло,
а тетка Марья в стареньких калошах,
свистела: день-то — чудо, прехороший,
ишь, как с погодой нынче повезло!

Висел июль в прокуренном окне
и было лень задернуть занавеску...
ее задернула услужливо невестка,
сказав: «Хотите? — Возражений нет».

Мелькнула мысль: ну, старина, пора:
конец и есть, наверное, начало!
И, оттолкнувшись молча от причала,
я зазвучал... на кончике пера.

НОЧЬ ДЛЯ ДВОИХ

В феврале — в канун безумной ночи
снег не таял под твоим окном
и следы нелепых многоточий
отмерял дежурный метроном...

Был бы толк в отлаженности быта...
но не спрятать никуда глаза:
даже боль — отчаянно открыта
и солгать себе уже нельзя...

За окном луна весну качает
и февраль сгорает на ветру...
и лимончик тает в чашке с чаем,
как и ночь, с кислинкой поутру...

А в небе звездочка давно не зажигалась
и уплывали в бесконечность облака,
но оставалось ждать
всего лишь только малость,
и мы молчали, — сумасшедшие слегка...

ПОМИНАЛЬНАЯ

Прощайте, — нету мочи:
жизнь становится короче,
я ворую день у ночи
к смерти на пути...
Знать бы все о жизни толком:
жить не как в ушке иголки,
быть не зеркала осколком,
чтоб себя спасти...

Промелькнула, — не заметил, —
чередою злых отметин,
не давая песню спеть ей,
жизнь, как мотылек...
обожгла мечтой желанной,
что была всегда мила мне,
пролегла словечком странным
где-то между строк...

Рвутся в небо многоточья,
раздирая душу в клочья...
только можно и помочь им
выстрелом в ночи...
На ветру с листа березы
канут в землю чьи-то слезы
да прощально боль занозой
в сердце закричит...

* * *

Почти устал от одиночества:
с врагом старинным встрече рад
и на троих так выпить хочется,
как и не хочется утрат...

Ах, если б в этой жизни выстоять
хватило мужества и сил...
но так и тянет в душу выстрелить,
чтоб Кто-то душу отпустил.

КИРЗАЧИ-КИРЗАЧИКИ

По тропинке узенькой
мы идем с тобой —
у мальчишки усики
так и рвутся в бой...

Кирзачи-кирзачики...
мы с тобой не мальчики, —
мы с тобой солдатики —
со своей судьбой.

От огня не плавимся, —
смертушкой пьяны ...
может, и состаримся —
до конца войны ...

Кирзачи-кирзачики...
мы с тобой не мальчики, —
мы с тобой солдатики —
нет на нас вины.

С кровью перемешана
дружба под огнем...
мы с тобою грешные,
но пока живем...

Кирзачи-кирзачики,
мы с тобой не мальчики, —
мы с тобой солдатики —
нам нельзя живьем.

По весне отслужится, —
подожди чуток...
по закону мужества, —
я — с тобой, браток...

Кирзачи-кирзачики...
мы с тобой не мальчики, —
мы с тобой солдатики —
знать, не вышел срок...

По тропинке узенькой
нам идти с тобой —
у мальчишки усики
так и рвутся в бой...

Кирзачи-кирзачики...
мы с тобой не мальчики,-
мы с тобой солдатики —
со своей судьбой...
мы с тобой солдатики —
связаны судьбой.

ПРИЗНАНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО РУССКОГО ПОЭТА

Странно все: пустые ночи,
дни без мира и тепла,
сутки — будто между прочим
и любовь безумно зла,
и в стакане без остатка
растворяются мечты...
Как душа до водки падка —
водку пьем и я, и ты,
только я без остановки,
вне закона, вне причин;
трезвый я почти что кроткий,
пьяный — первый из мужчин;
не в дугу сухая глотка,
промочить ее всегда
лучше не водой, а водкой,
чтобы не было стыда
за поруганное счастье,
за твои глаза в слезах,
чтобы смог всегда украсть я
свой и твой извечный страх...

Я почти устал от злости,
рвусь на части от тоски...
Ну, до встречи на погосте.
Пью последние деньки.

Странно все: пустые ночи,
дни без мира и тепла...
а душа промежду строчек
не дышала, но... жила.

МОЯ ПРОВИНЦИЯ

Провинциальная — до боли — тишина:
почти зима, почти весна, почти что лето,
почти что осень, — все четыре есть куплета,
а песни — нет... поди, провинция грешна...

А я живу неброско и смиренно —
провинциальный, но российский гражданин...
Я не ломал судьбу через колено,
в пылу выскакивая из своих штанин...

Мне так хотелось быть всегда в порядке,
но чтоб — не выбиваясь из последних сил...
Я был, конечно, у страны — в остатке,
но и судьбой своей ее быть не просил...

Я сплю спокойно... только на рассвете
уже лет десять нарушаю свой покой,
чтоб на вопрос единственный ответить:
вопросы-то моей провинции на кой?

Но в тишине рассветного молчанья
вопрос всегда висит в бездонной пустоте...
а в подсознание — не слова, — мычанье:
мы тоже граждане, но, кажется, не те...

Глубинка тянет ляжку на пределе,
и у нее уже давно вопросов нет:
в России все портянки пропотели
и душно жить во лжи растоптанной стране...

Но нам с тобой, глубинка, нет замены...
В провинциальности такая чистота,
что не дождешься от нее измены, —
пустые хлопоты... не снять ее с креста...

Провинциальная — до боли — тишина:
почти зима, почти весна, почти что лето,
почти что осень, — все четыре есть куплета,
а песни — нет... а песня — есть...
Она в России просто не слышна...

РАЗГОВОР С БЕССОННИЦЕЙ ЮРИЯ ХАБАРОВА

Сволочь ты, душа моя полночная,
манишь все куда-то в облака,
утверждая, что все это срочно мне
нужно, чтоб остаться на века...
Но в глазах пустых твоих не вижу я
даже вдохновения пока...
Лучше в это время по Парижу бы
побродить задумчивым слегка...

Сволочь ты, душа моя печальная:
все ворчишь, а лучше бы запеть —
пусть бы даже песню от отчаянья,
пусть бы даже не про жизнь, — про смерть...
Но тебя хоть с маслом, хоть без масла ешь,
нет резона — с голоду помрешь...
ты всегда, душа моя, юродствуешь:
я тебе не мил, не люб, не гожд...

Сволочь ты, душа моя полночная...
Что твои пустые облака?
Я полезу даже в воды сточные...
если там блеснет моя строка...

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

**Вологодская область,
февраль 2008 года**

Было просто хорошо:
по тропинке кто-то шел,
было слышно, как в ночи
кто не хочет, не молчит,
и на небушке беда:
за звездой летит звезда;
оторвалась половина
от луны и ветер в спину...
Вот бы было хорошо,
если б кто меня нашел
и услышал... В городе —
не на радость, — на беду, —
не услышать, не понять,
свою душу не унять...

Эх, а ночь-то хороша!
И в ночи поет душа.

ОТВЕТ

Как страшно — глядя в зеркало,
вонзиться взглядом в отраженье,
поверив до самосожженья,
что есть во мне добро и зло,
и не дождавшись в оном чуда,
опять не верить и страдать,
и быть в себе, с собой Иудой,
и душу безутешно рвать,
и жить во лжи самозабвенно
забытым Богом, в облаках,
и быть осколком во Вселенной,
и жить, презрев покой... и страх...

ВРЕМЯ

Время... Что это за штука?
Каждый миг я им застукан,
каждый день и каждый час
время проверяет нас.

Кто — в кусты, я — в чисто поле,
где судьба зовется долей.
Догоняй, ведь не впервой
нам соперничать с тобой!

Кто куда, а я — вдогонку...
Между взрывами — воронки...
Не успею — быть беде:
будут песни, да не те...

Кто за чем, а я — за этим:
чтобы солнце завтра встретить
на рассвете у реки
с незаконченной строки...

СЕГОДНЯ НЕ УСНУТЬ

Сегодня не уснуть — так сердце скачет.
Кружится ночь беспутно по Земле...
и я кружу — охотник за удачей,
но строчки спят на письменном столе...
поет сверчок за печкой не без смысла,
летит луна в заоблачную высь...
и во Вселенной исчезают мысли,
и не течет, а пролетает жизнь...

СОЛО ДЛЯ ДУШИ

В осколках пьяного стекла
кривлялись рожицы поэтов,
в них жизнь как будто бы текла
и не о том, и не об этом;
она в цветных стекляшках дух
раздваивала и кружила,
расплескивая пены пух
и распуская в нити жилы...

И в этом омуте миров
душа тонула в одночасье...
я был и болен и здоров,
хотя не целым был, а — частью...

А жизнь кружила и влекла
в неведомые мне пределы,
она была и не была,
хоть на ушко мне песни пела...

Я жду без малого — сто лет:
скрипят безбожно половицы...
и тень на письменном столе —
что заставляет сердце биться.

ЛЮБИТЬ ВСЕГДА

Прощальный стон своей судьбы
не замечаю и не слышу...
Я не устал и не забыл,
хоть колокольчик — тише, тише...

Случайный звук, случайный шаг,
случайный миг... вся жизнь случайна...
случайный друг, случайный враг,
случайны встречи и прощанья...

Я в этой круговерти рвусь
на части от своих изъязнов...
во мне издерганная Русь
бормочет про усталость пьяно.

А мне и грустно, и смешно:
не заблудись в лесу осеннем...
Любить на свете суждено —
и в первый день, и в день последний...
любить на свете суждено —
и в первый день, и в день последний...

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Шел я долго по дороге...
видно, подустали ноги...
сердце по ночам кричало:
быть концу, а не началу...

У надежды на закорках
мы бредем, да, все по горкам,
по ухабам, да, по кочкам,
не по дням, а все по ночкам...

Не со зла судьба такая...
не расскажет, хоть и знает...
и душа, уставши в Боге,
вдруг заплачет на пороге...

Отчего ж в груди болело?
Видно, песню не допел я...
и душа в ночи кричала:
не концу быть, а... началу!

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

На забытом полустанке
прозорливая цыганка
нагадала жить до боли,
до — в душе последних колик,
до — усталости в коленях,
до — конца преодоления,
до — почти бездонной ночи,
до — почти что между прочим,
до — остаточка в сосуде,
до — совсем уже не будет,
до — прощального звоночка,
до — последнего глоточка...

В облаках летать не стыдно,
только до смерти обидно:
что хотели, — не имели...
Как же будни надоели!..

И на дальнем полустанке
может старая цыганка
нагадала жить иначе?
Что же это, братцы, значит?..

СЛУЧАЙНЫЙ ЗВОНОК

Звонок... а в трубке тишина...
и в комнате, увы, ни звука,
как будто кем-то я застукан
в том, что душа моя грешна...

Я ВЕРНУСЬ

Я вернусь почти забытым,
битым словом и молвой,
невозможно грязным бытом, —
но с веселой головой.

И опять моя гитара
зазвучит тихонько вдруг...
Мы с ней пара и не пара,
ведь она и враг, и друг.

Я ее боюсь немного
и люблю без суеты.
Эти струны — струны к Богу, —
понимаем я и ты.

Звуки тайною покрыты,
как, наверно, и стихи...
Невозможно быть забытым,
если есть еще грехи.

СЧАСТЬЕ

Далеко за небом синим
бесконечность бытия,
а в заснеженной России
в доме только ты и я,
прилепились дружка к дружке —
и уютно, и тепло —
я дружок, а ты подружка, —
так уж в жизни повезло.
А в окно стучится ветер:
видно хочется ему
быть на этом белом свете,
как и нам, — не одному.

СТРАННОЕ СЕРДЦЕ

Сердце, которое рвется на части,
ждет и не верит... А как же тут верить,
если взамен зазеркального счастья
в нем отражаются только потери?

Все так запутанно и неизбежно:
пряча внутри неизбежность печали,
зеркало стынет в улыбке небрежной,
чтобы улыбку с печалью сличали...

В сердце ворчанью не видно предела:
слишком безропотно прячется где-то
в зеркале счастье улыбкой несмелой,
будто бы песней — небрежно пропетой...

Сердцу, которое рвется на части,
ждет и не верит, — прощаю потери...
Этому странно глубокому счастью
даже и в зеркале можно поверить...

КРУГОВОРОТ

Прольется свет и... в землю канет,
и снова ночь — сто раз на дню,
и буря грянет, но... в стакане,
и в этом я себя виню...

А ветер флаг судьбы полощет
и голос мой летит во мгле...

Нет ничего на свете проще,
чем... копошиться на Земле...

А кто-то где-то верит в чудо,
но чуду надо бы помочь...

Я с кем-то где-то верить буду,
кроя на дни глухую ночь,
и ждать в предутреннем тумане
лучом скользящую судьбу...

А солнце, как обычно, встанет
и будет ползать по небу,
вращая Землю неизменно
туда, где снова встанет ночь...

Я ей потом приду на смену,
чтоб снова в ступе день толочь...

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Подметает город осень:
на траве пожухлой просесть,
в небе хмуром лета просинь
выцвела до дыр,
желтых листьев эполеты
на деревьях неодетых, —
только я и... бабье лето
путаем следы.

Все в округе поредело,
даже дворник — между делом,
да и то всегда несмело —
листьями шуршит...
Ты прости меня, прохожий,
что опять мы непохожи:
осень я свою не прожил,
нет нужды спешить.

Было все, а что-то — мимо...
Это знать невыносимо...
Но давай судьбе простим мы
осень на дворе.
Ей бы — и зимой, и летом,
и весной — кружить по свету,
чтобы с песней недопетой
в костерке гореть...

СОЛОВЕЦКИЙ СИНДРОМ

Прошли мы свой, а может, и не свой...
нелегкий путь от встречи до разлуки...
Ты номер лагерный заранее присвой
себе без суеты — на всякий случай...
Живи... Молись... хоть этим не помочь:
звезда с крестом слились в пылу наживы,
и дню они предпочитают ночь,
и мы живем, хотя уже не живы...
Грустим по прошлому, а прошлое опять
взбивает пыль густую сапогами
и на губах — сургучная печать,
и крест все чудится в оконной раме....
и льется свет, но... холодно душе:
в словах вождей — презрение к народу,
и слышится настырно: рот зашей...
а жизни год в России — за два года...
Нам умирать, в растаяв в тишину...
Им жить в режиме «потирая руки»...
Я ехал в Мир, — приехал на Войну...
И не возьму надежду на поруки...

ЧАСТУШКА

А в России пыль столбом:
битва не кончается —
прошибают стену лбом, —
лампочка качается.
Синяком не обойтись, —
хлещет кровь канавою...
Что нам, к черту, чья-то жизнь?
Завсегда мы правые!

Эх, ты, горе, — горе не беда...
Мы с тобой веселые всегда.
Что нам к черту чья-то жизнь! —
Завсегда мы правые.

Руки чешутся, — беда:
и к деньгам, и к выпивке...
в драке тоже нет вреда, —
мы дубильной выделки.
Рвем рубаху на груди —
нам ли в чем-то каяться?...
Пусть весь мир от нас гудит, —
ох — еще намается!

* * *

Я по ложному следу иду:
но иду... просто некуда деться,
потому что всегда на виду
и молчит подуставшее сердце.
Снег в лицо, дождь косо́й моросит
и за шиворот льет непогода...
А кого ж о погоде просить,
если Он был всегда антиподом?
И назад не вернуться, — следы
замело... Не грущу, но... откуда
в жизни столько воды и беды?..
Знать, не спит беспощадный Иуда...

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЯ

На листочке на осеннем
я лечу — совсем рассеян
и бездумно откровенен,
будто бы опять влюблен...
Будто бы хранитель тайны
был сегодня просто крайним,
да, и я — какой-то странник —
из миров каких-то... клон...
Сплю, но... почему-то слышу,
будто кто-то рядом дышит...
Может этот кто-то... свыше?...
Чрезвычайно сладкий сон...

Только ветер за спиною,
только сердце что-то ноет...
знать... знакомлюсь я с женою
и опять... в нее влюблен!!!

РАЗГОВОР

Порвать бы жизнь на веру и удачу
и, прочертив звездою небосвод,
увидеть, как уходит в детство мальчик
тропинкой узкой шириною в год,
и улететь в открытое пространство,
и встретить тех, кого уж нет давно,
и быть с душой на грани постоянства,
уж, коли с ней проститься не дано...

ЖИЗНЬ — КОЛЕСО

Нет, не хочу, не могу, не желаю, не стану
ветру о чем-то нашептывать я у костра...

Было бы, знаю, конечно,

немножечко странным,

если бы это признание случилось вчера...

Может быть, это — меня закружили метели...

Может быть, это — в душе проливные дожди...

Может быть, это — те листья,

что прошелестели

и улетели, оставив меня позади...

А в облаках ослепительно белые птицы

машут крылами беззвучно, как в старом кино...

Жизнь — колесо...

Мы с тобой — поржавевшие спицы...

Было, все было, но очень, уж очень давно...

Было, все было: костер догорал на рассвете,

чмокала каша, чаек закипал в котелке,

песнями душу в тумане расплескивал ветер...

Было, все было — как замок на желтом песке...

У ПАМЯТИ В ДОЛГУ

Червонным золотом — устало, без причин
текла печаль нежданно, одиноко...
а на стекле приклеившийся локон
пытался снова жизни поучить,
рисуя медленно овал лица
из юности... и сыпались осколки,
прощая все бывлые недомолвки,
пугая вечной близостью конца...
но блики солнца верили в тепло
и растворяли грусть в стеклянном мире...
Нас жизнь дежурно с памятью помирит,
гуманно склеив битое стекло...

РЕЗОН

Я ждал и верил... В пустоте
кипела жизнь, летели звезды
и с ними вместе я летел,
хотя давно уж было поздно,
и ветер выл совсем не зря,
наружу выдувая душу...
Не души, а сердца горят,
чтоб в этой жизни не нарушить
покой и радость бытия,
и веру в жизнь... Такая малость...
Но... будем жить: и ты, и я...
А сколько? — Как кому досталось...

ДОРОГА

Никто не знал пути из дома...
и я не знал... пришла пора,
когда дорогой незнакомой
ушел... сегодня... — не вчера...
Ушел туда, куда дорога...
ушел — забытый навсегда —
туда, где есть дорога к Богу,
где нет прощенья от стыда...

Там не за каждым поворотом
ждет неизбежно пустота,
там и желание полета —
напоминание креста...
там ночь и день идут в обнимку,
нет окончания костру...
там черно-белым фотоснимком
молчит часть жизни на ветру...

Там нет уже ни слез, ни боли,
там вечность — в капельке росы,
там в поле заплутала воля,
там положили на весы
две доли — встречу и разлуку,
но... выбора теперь уж нет,
и мне протягивает руку

судьба: в ней скомканный билет...
Хоть в жизни пройдено немало, —
но нет приюта для души...
и вспоминается... начало —
где можно было согрешить...
Никто не знал пути из дома...
И я не знал... Пришла пора
уйти дорогой незнакомой
уйти... сегодня... — не вчера...
уйти... сегодня... — не вчера...

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Я растворюсь в улыбке лета
и в море синем утону
большой серебряной монетой —
за всю огромную страну!
И волны слижут тень устало,
и море всхлипнет мне вослед,
как будто жизнь опять украла
на вечность выданный билет...
И я уйду... или уеду
туда, где можно не спешить,
где лето может быть... по средам,
но все равно — приют души!!!

МЫ ЗАБЫЛИ

Мы ночами устали жить с тобой одиноко
под пустыми глазами занавешенных окон...

Мы забыли, что небо нам звездой улыбнется,
мы забыли, что все же нам с тобою поется...

Мы забыли, что кто-то ждет и нас в этой жизни,
мы забыли, что утро новым солнышком брызнет...

Мы забыли, что бьется где-то сердце другое,
мы забыли, что это наши силы удвоит...

Мы не можем поверить этой ночью до света,
что не спится кому-то, как и нам,
только где-то...

Мы забыли проститься, но...
прощаться не надо, —
просто ночью мы часто одиночеству рады...

Мы ночами устали жить с тобой одиноко
под пустыми глазами занавешенных окон...

РАЗГОВОР С ВАЛДАЙСКОЙ ПРИРОДОЙ

Прощай, любимая... погода
дождями сыплет в сентябре...
Дожди ведь из предзимья родом...
и мне тебя уж не согреть...

И мы с тобой опять в разлуке...
и осень грусть прольет в ночи...
и ты протягиваешь руки,
а я тебе: молчи, молчи...

Все будет, милая, как прежде:
я тоже нашей встречи жду...
Оставь хоть щелочку надежде
и я, конечно же, приду...

И это будет не когда-то,
а... через год... — такая блажь...
И будут снова шелкать даты,
мотая нашей дружбы стаж...

Прощай, любимая... погода
дождями сыплет в сентябре...
но и дождям все эти годы
из нашей жизни не стереть...

МЫ ГОВОРим С ТОБОЙ

В твоих глазах любви не меряно
и я стою — почти растерянный...
еще не веря, — между сосен... и
от августа почти до осени...

И в тишине скрипят уключины...
в глазах глаза — по воле случая —
не тонут, нет, но... растворяются,
да, и никто ни в чем не кается...

Струна прильнет к ладам нечаянно
и ты начнешь свою — печальную...
и — не бывать любви стреноженной...
и ночь — как будто заморожена...

В костре сгорают одиночества,
стирая боль разлуки дочиста...
и верю я, и веришь ты... В ночи
мы говорим с тобой, хотя... молчим...

ДУША

Такая беспокойная душа,
что даже кажется кому-то странной...
ей хочется творить, а не лежать
в объятьях старого протертого дивана,
ей хочется парить судьбе назло
над этим вечно захламленным бытом,
ей хочется дарить свое тепло
и быть хоть кем-то в жизни не забытой;
не запирается в душной тишине,
не прятаться под теплым одеялом,
не восторгаться множеством монет,
не унывать, когда их слишком мало;
ходить всегда по лезвию ножа,
безумствовать, советы отвергая,
куда-то вечно радостно бежать,
судьбой своей безжалостно играя...
И слышать вслед: безумно хороша!
И растворяться в розовом тумане...
Такая странная... но вольная душа, —
такую, и захочешь, — не обманешь!

ЗА ДЕНЬ ДО СМЕРТИ...

За день до смерти буду жить,
не отвлекаясь на сомненья,
и будет за окном кружить
неуловимое везенье,
и снег растает на губах,
отдав свое мгновенье влаги,
и запульсируют в стихах
на сереньком клочке бумаги
мне непонятные слова:
о смысле жизни в этом мире,
о том, что жизнь всегда права,
о том, что только Бог помирит,
о том, что смертью не помочь
и жизнь, увы, не помогает...
Уже осталась — только ночь...
А что потом, — никто не знает...

В УНИСОН С БУЛАТОМ

На погонах позолота
пропиталась нашим потом.
В никуда из ниоткуда...
Будь солдатом! — Значит, буду!

Я — на мушке, ты — за кружкой...
Я — в окопе, ты — с подружкой...
Я — в земле, а ты — в постели...
Мы ж не этого хотели!!!

Но...
не устану повторять я:
все солдаты в мире — братья!
Все солдаты в мире братья, —
не устану повторять я.

Рвутся жилы... быть бы живу
моему с тобой призыву.
Кровь не капает, а льется...
Только флаг российский вьется.

И...
на погонах позолота
пропиталась нашим потом...
В никуда из ниоткуда...
Будь солдатом! — Значит, буду!

Но...
не устану повторять я:
все солдаты в мире — братья!
Все солдаты в мире братья, —
не устану повторять я...

РЫЖАЯ

Рыжая,
несомненно, рыжая...
Вижу я
рыжую вуаль,
только очень жаль,
что не долгод век —
запорошит снег:
все опять не так,
за душой пятак...

Рыжая,
несомненно, рыжая...
Слышу я:
шелестят дожди
и в трубе гудит,
будто черт в ночи
на судьбу ворчит.
Все опять не так,
за душой пятак...

Рыжая,
несомненно, рыжая...
Выждала
и опять блажит...
Хочется пожить,
только — пустота
да призор креста:
все опять не так,
за душой пятак...
Рыжая...

* * *

Смахну три капельки со лба
и снова закопаюсь в строчках...
ведь от земли и до неба
все — точки, точки, точки, точки...

СОДЕРЖАНИЕ

Неотправленное письмо друзьям на север.....	3
Бессонница № 13.....	5
Вагонный вывод.....	6
Весенние сомнения.....	7
Тише.....	8
SMS в Мурманск.....	9
Размышления об авторской песне	10
А что это было?.....	11
Алиби	12
Бомж-песня	13
Осенняя жалостливая	15
Коллизия	16
Была ночь	17
В кулаке сожму копейку.....	18
Благослови меня, печаль	19
Вне зоны доступа.....	20
Розовый туман	21
Друзьям	22
Зимний	этюд
в предновогодних полутонах.....	23
За ночью ночь.....	24
Такая странная работа.....	25
«Не беда моя, что жил...».....	26
Зима (- 36,6)	27
Ладожский синдром	28
«Иллюзий нет...»	29
Осенний блюз.....	30

Кликнет ночь.....	31
Загуляли.....	32
Ко дню рождения барда	33
Я не жихарь	34
Автопортрет	35
«Молитва».....	37
Мой город.....	38
Мальчишкам Северного Флота	39
Монча.....	41
Нет, не успел.....	42
Мгновенье — вечность.....	43
Моя линия	44
Министрам	45
Опять сначала	46
Нервное	47
Нет весны.....	48
Мой сентябрь	49
Нечаянные мысли.....	50
Все осталось там.....	51
Никого не слушай.....	52
Соловецкая прощальная	54
Нет зимы.....	55
«А жизнь прошла... как спичка полыхнула...».....	56
Была ли моя музыка?.....	57
Хочу огня!.....	58
Бессонница	59
Одиночество	61
Почти правда	62

Ночь для двоих	63
Поминальная	64
«Почти устал от одиночества...»	65
Кирзачи-кирзачики	66
Признание неизвестного русского поэта	68
Моя Провинция	70
Разговор с бессонницей Юрия Хабарова	72
Ночь в деревне	73
Ответ	74
Время	75
Сегодня не уснуть.....	76
Соло для души	77
Любить всегда	78
Незаконченная песня	79
Сон в зимнюю ночь	80
Случайный звонок	81
Я вернусь	82
Счастье	83
Странное сердце	84
Круговорот	85
Осенний вальс	86
Соловецкий синдром.....	87
Частушка	88
«Я по ложному следу иду...»	89
Знакомая песня	90
Разговор	91
Жизнь — колесо	92
У памяти в долгу	93

Резон	94
Дорога	95
Прощание с морем	97
Мы забыли.....	98
Разговор с валдайской природой	99
Мы говорим с тобой.....	100
Душа	101
За день до смерти.....	102
В унисон с Булатом	103
Рыжая.....	105
«Смахну три капельки со лба...»	107

Литературно-художественное издание

**Почтовалов
Николай Петрович**

**Почти зима, почти весна,
почти что лето...**

стихи и песни

Стихотворения предоставлены
в авторской редакции

Верстка и дизайн выполнены
в лаборатории предпечатной подготовки
Александра Сурнина
e-mail: alex-surnin@yandex.ru

Подписано в печать 17.10.2010. Формат 70×100 ¹/₃₂
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,51
Тираж 500 экз. Заказ № 153

Отпечатано в ООО «Версо»
185000, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.